

О Юбилее, Традиции, и выступлении одного дуэта (рецензия на концерт дуэта О. Копелюка и И. Седюка 9 апреля 2017 г.)

Вряд ли найдётся среди множества университетов, которыми так гордится Харьков, таких ВУЗов, которые смогли стать чем-то большим, чем просто место обучения и работы. Ярким примером выхода за своё формальное предназначение может служить Харьковский национальный университет искусств, в подлинном смысле ставший домом для связанных с ним. Несомненно, этого не удалось бы достичь, если бы каждый шаг на пути студентов и сотрудников ХНУИ не направляла бы Традиция. Под этим словом понимают совершенно разное, но в случае Консерватории можно смело сказать, что её Традиция — служение человечеству служением музыке. И в этом главное отличие от других ВУЗов: «консерваторцы» отмечены подвижнической преданностью своему делу.

Особо важно вспомнить о значении наших корней в нынешнее время, когда особо острой представляется оппозиция между изменчивым, противоречивым и жестоким миром с одной стороны, и Консерваторией — с другой. В таких условиях люди создают свой мир (при том отнюдь не закрытый для посторонних) с законами, правилами и предписаниями, продиктованными исключительно любовью к музыке.

Особой радостью и верой в будущее наполняет то, что носителями Традиции в ХНУИ являются не только представители старшего поколения (как можно было бы подумать по аналогии с любой институцией), но и творческая молодёжь, лишь недавно окончившая Университет. Так, уже на протяжении многих лет (включая и студенческие годы), в начале апреля творческими находками радуется фортепианный дуэт Олега Копелюка и Игоря Седюка гостей ХНУИ и своих музыкальных друзей (даже автору этих строк приходилось писать об одном из их «апрельских концертов»). В этот раз свой концерт исполнители посвятили грядущему 100-летнему юбилею *alma*

mater — родного университета искусств, в Большом зале которого прошёл концерт.

Сегодня в консерватории фамилии Олега и Игоря произносят подряд, как «двойную». Корни этой привычки (или традиции?) следует искать не только в частоте их совместных выступлений, что заставляет воспринимать двух пианистов как единую «артистическую фигуру», но и в удивительной сыгранности этого ансамбля – на сцене они ощущаются как единое целое, делить которое на составляющие просто невозможно. Остаётся только поблагодарить прозорливую их творческого руководителя, народную артистку Украины, профессора Татьяну Борисовну Веркину, много лет назад объединившую их в такой блистательный дуэт.

По давно установившейся традиции, программа началась с классики. И что могло бы стать более классичным, чем музыка В. А. Моцарта? Уже в первых тактах Сонаты C-dur исполнители продемонстрировали свой высочайший профессиональный уровень, проявив техническое совершенство и безупречность вкуса — пожалуй, два главных качества для любого интерпретатора музыки Моцарта, две колонны, на которых стоит здание творчества этого гения. Кроме того, сама фактура создавала впечатление тщательно прорисованной картины — все полифонические сочетания линий были «обнаружены» и показаны в наиболее оптимальном звуковом балансе. Чувствовалась и забота о том, чтобы исполнение не стало чересчур схоластичным — например, нотку остроумного юмора привнесло выделение «завывающих» пассажей в низком регистре, а остановки бурного движения и переключения в трогательное *piano* было явно продиктовано воссозданием женских образов (связь лирических тем моцартовских сонат с его же оперными героинями отмечается и исследователями, и музыкантами, знающими творчество Моцарта и наделёнными хотя бы толикой воображения). Частые переключения способов высказывания дали возможность проявить исключительное тембровое разнообразие рояля —

казалось почти невозможно, что один инструмент может производить столько разнообразных красок. В тихом окончании первой части сонаты словно слышались типичные «формульные» завершения сказок: «И жили они долго и счастливо».

Резким эмоциональным и стилевым сдвигом программы стало «*Andantino varie*» Франца Шуберта — цикл вариаций, в исполнении которого дуэт, по-видимому, поставил себе задачей раскрыть весь мир музыки сквозь призму одной темы. В теме был выявлен обусловленный почти что венгерским колоритом особый печальный настрой (тоска, но «на *forte*»). Указанную национальную параллель дополнили подчёркнутые вторы в сексту, характерных для цыганской инструментальной традиции. В вариациях слушателей словно бы проводили через разные стили и жанры, например, решительную военную песню (соблюдая границы камерности, исполнители не использовали настоящего *fortissimo*). Переворот страниц перед одной из вариаций словно бы обратил вспять время: искусное исполнение полифонической вариации словно бы погрузило весь зал в эпоху барокко. А сладостная кантилена другой вариации, казалось, пришла из Этюда Ф. Шопена E-dur (чему способствовала, кстати говоря, и близость тональностей).

Однако не только прошлые эпохи составляют сферу интересов этого дуэта. В условиях особой ответственности, в присутствии автора, прозвучал Диптих Людмилы Шукайло. Первая его часть обращается к импрессионизму, и молодые музыканты отразили соответствующую организацию фактуры. Через размытые и неясные облака педальных звучаний словно отблески Солнца, прорезались тематические линии, играемые чётким, оформленным звуком — будто бы прочерченные тонким пером. Вообще само звучание как таковое и становилось главным средством выразительности, именно «игра» с ним являла собой очарование первой части этой сюиты. Включение же в неё тонального фрагмента вносило особый колорит, и воспринималось в исконно

славянском духе «исповедальной лирики». Вторая часть принесла резкую смену организации материала — пианисты оперировали такими категориями, как движение и ритм — неиссякаемая энергия которых и определила облик финала цикла. Рондообразная форма ещё больше усилила ощущение «бесконечного движения», заложенного в непрерывной пульсации музыки.

Монументальным завершением первого отделения стала Соната И. Брамса *f-moll*, невероятно требовательное и в техническом, и в эмоциональном отношении произведение. Если попытаться одним словом выразить, как именно сыграли Сонату в этот вечер, то можно смело сказать: «по-брамсовски». Исполнители погрузили зал в царство лирики — но не открыто-чувственной, а интеллектуальной, с густым плетением фактурных линий. Это была скорее не драма, но рассказ о давних переживаниях, хотя и очень сильных. Потому исполнители выстроили цепь разного плана кульминаций: интеллектуальную в фугато первой части, динамическую в её Коде, чувственную в третьей части и трагическую кульминацию в Финале. Прочтение Сонаты изобиловало контрастами: темповыми в речитативном вступлении, а также в стремительном *Accelerando* в Коде первой части, тонких переключений мажора и минора во второй, напряжённо пульсирующего одного звука и мощных аккордов в третьей части, сложной полифонической «психологизированной» фактуры вступления Финала и огромного ритмического «заряда» его главной темы. Пианисты проявили и своё понимание риторических фигур — в кодах крайних частей с особым трагизмом были вынесены на первый план «золотая» секвенция и нисходящий хроматический ход. Эти достоинства исполнения стали причиной того, что О. Копелюка и И. Седюка уже после первого отделения дважды вызвали на поклон.

Второе отделение открылось *Allegro a-moll* Ф. Шуберта, главными полюсами которого стали решительное требование и лирика. Ансамблисты показали всё богатство этого творения Шуберта: использовали красочные

возможности сопоставления далёких тональностей, открыли все грани мира австрийского гения — словом, наглядно продемонстрировали всю обманчивость кажущейся простоты этого сочинения.

Подобно тому, как соловей не может не петь, дуэт Копелюк-Седюк не может не играть «Славянского» и «Венгерских» танцев Дворжака и Брамса. Первый из них звучал ещё меланхоличнее, чем когда-либо, в нём был очень удачно подчёркнут типичный славянский контраст глубокой грусти и извечного оптимизма. Пять танцев Брамса, составивших первую их тетрадь, стали самым ярким и колоритным номером вечера. В этой цепи страстных высказываний исполнители тонко воссоздали венгерскую манеру исполнения — в каждом было замедление и «взрывное» ускорение к концу и словно бы игра со слушательскими ожиданиями — подтверждение того, что в «Танцах» сочетались простота и изысканность. Слушателям особо запомнился Третий танец (единственный мажорный, но и наполненный драматизмом и фантастическим колоритом) и Четвёртый - остроумная имитация фальши народного исполнения. Однако высокий технический уровень пианистов превратил эти миниатюры в подлинные бриллианты.

Переход к следующему номеру словно бы завёл аудиторию с оживлённой улицы в изысканный салон — где звучит музыка Равеля. Его Интродукция и Allegro были полны «журчащих» звучаний, одного из любимых образов Равеля — играющей воды. Здесь ансамблисты смогли показать «фокус» — певучая мелодия парила над бурлящей фигурацией, создавая эффект стереофонического звучания. Если продолжить аналогию с водой, то необычные созвучия будто отражали загадки морских глубин. Особо интересно слушались красочные гармонии, играемые с опорой от баса, контрастировавшие с «точечными» отдельными звуками.

Естественно, что после такой блестящей программы не могло не последовать номеров «на бис». Первым из них были исполнены «Вариации на тему Паганини» В. Лютославского, где был сделан ещё один выход за

пределы романтизма и «лёгкой» для восприятия музыки (свидетельство осознания дуэтом разных запросов своей аудитории), и целиком господствовало игровое начало. Пианисты как бы предлагали слушателям угадывать знакомые обороты среди «колких» и пронзительных звучаний. Не обошлось и без юмора — материал самой тихой вариации в партии одного рояля сопровождало громогласное *ostinato* у другого, что потребовало от исполнителей и точного расчёта, и почти что актёрской игры.

Завершил концерт Венгерский танец Брамса №11, где национальное проявилось не только в названии, но и фактурных деталях (как выдержанный бас в народном духе), и в том особом настроении, которое невозможно спутать ни с каким другим. Вынося на последний бис такой, казалось бы, простой номер, дуэт словно бы провозгласил, что только не боясь быть банальным, можно быть искренним.

Именно эта искренняя любовь к музыке, вероятнее всего, и является главной «изюминкой» концертов этого непревзойдённого дуэта, тем, что обеспечивает им полные залы слушателей. Ведь разве не чудо то, что за два часа два человека смогли сделать каждого в Большом зале консерватории немного свободнее и счастливее? И в этом предназначении, в этой привычке творить добро и состоит главная *Традиция* Университета искусств.